

ЮРИЙ КУРИК

Эстафета смерти

УЖАСТИК С ЭЛЕМЕНТАМИ
ЧЕРНОГО ЮМОРА
ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ 18+



Юрий Курик
Эстафета смерти

«Издательские решения»

2015

Курик Ю. Я.

Эстафета смерти / Ю. Я. Курик — «Издательские решения»,
2015

Черeda загадочных убийств с необъяснимым исчезновением трупов прокатилась по разным городам России. События оказались вне поля зрения МВД. Кто убийца и какие мотивы им движут? Интрига сюжета держит в напряжении до последних страниц.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Эстафета смерти
ужастик с элементами черного юмора
Юрий Курик

© Юрий Курик, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава первая

Кусок металла носил гордое имя «ТИТАН». Он мог бы стать частью космического корабля или авиалайнера. В крайнем случае, слиться в жарких объятиях с другими себе подобными и превратиться в чудесную сковороду или лопату. В любом случае этот кусок металла мог сослужить пользу – поработать на благо людей его породивших, но волей случая он был выбран для создания воровской заточки.

Под опытными руками заточка получилась великолепной формы и остроты. Легкая, упругая, особо прочная она (*пока вы читаете эти строки*) мгновенно пробила одежду жертвы и с быстротой пули пронеслась под сильной, накаченной лопаткой между ребрами прямо к сердцу. Побив легкое, она между систолой и диастолой нанизала на свое хищное тело сердечный миокард как на шампур. Сердце 42-х летнего Тимофея Сивоконя перестало биться. Еще секунду назад молодящийся папаша Тимофей ликовал от счастья, толкая перед собой детскую коляску с двухмесячной дочуркой Анастасией.

Ребенок, поздняя и единственная отрада семьи, спокойно продолжал спать, вдыхая чистый воздух далекой заброшенной аллеи городского парка. Здесь, вдали от городского шума и автомобильного чада, Анастасия Сивоконь стала безотцовщиной. Она мирно спала в своей уютной коляске, смешно причмокивая пухлыми губками. Спала и не знала своей судьбы, чашу которой ей придется испить по злой воле убийцы ее отца. Мать Анастасии будет с маниакальным упорством ближайшие пятнадцать лет искать для себя мужа и отчима для дочери. Тщетно. Сердечные друзья мамино тела не прочь были прописаться в 3-х комнатной квартире сталинской постройки, но воспитывать чужого ребенка – эту маленькую глазастую крикунью – желающих не найдется. Все жизненные коллизии у Анастасии будут впереди, а сейчас она мирно, не ведая грядущих бед, спала. Отцовская душа уже воспарилась над ней и своим бранным телом и с удивлением наблюдала, как его убийца – крупный высокий мужчина бережно усаживает его бездыханное тело на скамейку. Внимательно взглядевшись в лицо своего убийцы, Тимофей Сивоконь понял – прежде в своей земной жизни он не был с ним знаком. Никогда его раньше не встречал и не видел. Меж тем, усадив труп Сивоконя на скамейку, убийца подкатил к ногам покойника детскую коляску и внимательно оглядел получившуюся композицию: уснувший на свежем воздухе немолодой отец с ребенком. Убийца хотел достать ребенка из коляски и уже протянул руки в тонких телесного цвета перчатках, но на миг задумался и коротко, внимательно взглядевшись, ушел вглубь старинного парка, едва заметно прихрамывая на правую ногу...

Наступила тишина прекрасного осеннего дня. Сквозь многоцветье недавно зеленой листвы не жаркие лучи солнца освещали место случившейся трагедии. Стайка любопытных синиц – вечных предвестников первых заморозков – деловито, по-хозяйски устроилась на ветках куста жимолости, росшего впритык к парковой скамейке. На ней правдоподобно «спал» праведным вечным сном убиенный Тимофей Сивоконь. Изображал задремавшего отца, утомленного длительной прогулкой с детской коляской.

Ободренные беззвучной неподвижностью сидящего мужчины, две самые смелые синицы осторожно-опасливыми подлетами-подскоками подкрались в поисках пищи к детской коляске. От острого птичьего взгляда не ускользнул набор продуктов в сетке-кармане. Сквозь крупные клетки четко проглядывался кусок белоснежного сала, батон какой-то колбасы и пакет молока. Постоянно оглядываясь, птицы повисли на сетке-кармане и принялись яростно долбить своими крепкими клювиками упаковку с салом. Товарки из стаи, видя успех своих подруг, щебеча и посвистывая на все голоса, оккупировали детскую коляску со всех сторон, стараясь изо всех сил урвать для себя душистый кусочек белой плоти. Сорока, сидевшая на верхушке великолепной, высокой березы, узрела неожиданный птичий пир и элегантно спланировала на спинку

соседней скамейки. Она уже прикинула план атаки синичьей стаи, и только решилась на взлет, как вдруг, из кустов напротив резко высунулась на свет аллеи огромная патлатая морда бродячей собаки.

Это был плод случайной дворовой любви породистого сенбернара Цезаря и безымянной кавказской сучки, бездомной во втором поколении. Сейчас внебрачный сын уважаемого кобеля Цезаря уже три года был признанным Вожакom стаи бродячих, практически одичавших, собак. Они чувствовали себя полновластными хозяевами на огромной территории парка культуры и отдыха. Синицы, громко треща крыльями, рассыпались в страхе от собачьей морды, как горох в разные стороны. Сорока, крайне недовольная нахальным поведением какого-то безродного лохматого барбоса, взлетела круто на вершину березы и принялась во все свое сорочье горло оповещать округу о псине-захватчике чужого добра. Не обращая внимания на сорочью болтовню, собачий монстр вытащил медленно из кустов свое огромное мощное тело и по длинной дуге, не спеша, начал приближаться к детской коляске и неподвижному молчаливому мужчине на скамейке. Ароматные, неодолимо манящие к себе запахи, доносившиеся от детской коляски, будоражили собачьи мозги, отзываясь голодными спазмами пустого желудка, но Вожак не торопился. Застывшая в неподвижности фигура на скамейке, от которой резко пахло свежей кровью, внушала тревожное опасение. Вожак, обремененный горьким опытом бродячей жизни, ждал опасливо от замершего на скамейке мужчины все что угодно: от хлесткого выстрела до броска кирпичом, и готов в мгновение ока раствориться в густых зарослях парка, уводя тайными тропами от погони залегшую в засаде всю стаю.

Вожак не был трусом. В борьбе за лидерство он загрыз в честной драке нескольких претендентов. Смертельные поединки его стихия. Он всегда готов броситься в кровавую битву с любым соперником и сокрушить его плоть мощью своих знаменитых на всю округу челюстей. Голодной зимней порой именно он загрыз двух бомжей и спас всю стаю от голодного развала. Попробовав человеческого мяса, вся свора не только стала собаками-людоедами, но перешагнула незримый многовековой барьер, за которым окончилось, рухнуло подчинение воле человека.

Душа Тимофея Сивоконя со своего «высока» видела, как огромный собачий монстр неумолимо приближался к спящей Анастасии. Видел холодный блеск его голодных глаз. В ощеренной пасти сверкали безупречной белизной безжалостные клыки Бестелесный дух Тимофея в отчаянии метался между коляской и собакой-людоедом, предчувствуя ужасное и непоправимое. Он пытался вновь приобрести свое тело, чтобы отвести, даже ценой собственной жизни, от любимой дочери надвигающуюся неотвратимую беду, но каждый раз наткнулся на непроницаемую для его души стену остывающей плоти. Тело не могло впустить его обратно. Оно стала безразличным и к судьбе собственной дочери, и к корчащейся в муках бессилия собственной душе. Холодеющий на осеннем солнышке труп Тимофея, представлял сейчас безучастный ко всем и всему мешок мяса с костями. Он был интересен как источник питания стае бродячих собак-людоедов и птицам, всякий раз ухватывающим свою долю от собачьего пиршества...

Вожак, одурманенный запахами колбасы и сала, замешанными на аромате свежeproлитой крови, обнажив на четверть огромные верхние клыки, утробно, чуть слышно рыча, приблизился к детской коляске. Успокоенный мертвой неподвижностью мужчины, Вожак мощным рывком, всей пастью рванул карман-сетку, где лежали вожделенные дары небес. Детская коляска под напором собачьего монстра, как спичечный коробок, подлетела в воздух и перевернулась на бок, ударив со всего маху труп Тимофея по ногам.

Мертвец потерял опору. Сначала повалился боком на скамейку, затем кулем тяжело рухнул на стылую землю. Вожак, напуганный резким переходом трупа от полной неподвижности к резким движениям, принял это действие за акт агрессии и со всей мощью своего дикого тела впился зубами в его окровавленный бок. Сладкий вкус крови, вкус самой жизни заполнил всю пасть Вожака. Сразу вспомнился вкус бомжовского мяса, и он, яростно рыча, начал рвать про-

питанную кровью верхнюю одежду трупа. Стая Вожака, – пять сучек и два кобелька – подростка уже стояла вокруг него в нетерпении, скуля и лая, ждала сигнала своего лидера, чтобы броситься к человеческой плоти. Одна нетерпеливая сучка решила полакомиться содержимым сетки – кармана детской коляски. Схватив зубами сетку, она пару раз резко мотнула головой, сотрясая коляску. И вдруг из ее недр с дикими воплями выкатился сверток. От неожиданности вся стая, включая Вожака, отскочила к кустам жимолости, и замерла в нерешительности. Потревоженная собачьим вмешательством в личную жизнь и разбуженная ими, Анастасия продолжала орать во всю силу своих детских легких. Плач ребенка и лай собак далеко разносился в тиши городского парка. Ребенок, которого вместе с бывшим папашей собирался сожрать Вожак со своей стаей верноподданных собак – людоедов, боролся за свою жизнь.

До трагической развязки оставались считанные минуты. Слюна вождения уже скопилась в собачьих глотках. Свора преодолела первую растерянность и ждала сигнала Вожака, чтобы броситься и разорвать в клочья два этих тела, и насытить свои голодные желудки...

Артем и Вика трахались в карете «Скорой помощи». Они не были любовниками. Они не были коллегами. Они не были даже случайно знакомыми. Они были законными мужем и женой. Проживали вместе с двумя взрослыми детьми и с родителями в однокомнатной квартире, и поэтому решение сексуального вопроса отличалось у них большим разнообразием, как мест, так и форм и методов интимной жизни. Сегодня, используя в личных целях факт обкатки машины «Скорой помощи» после ремонта, Артем захватил свою собственную жену для большого «траха». Заехал с ней с тыла в городской парк культуры и отдыха в одну из самых его глухих частей. Отдав должное проверке крепости подвесок, они несколько утомленные, но достаточно для супружеской четы – удовлетворенные, сидели на носилках у открытых настежь дверей салона и сосредоточенно курили. Сигаретный дым лениво, как-то нехотя тянулся к проему двери, замирал у верхней ее части, словно всматривался-вслушивался в тишь осеннего дня, а затем струйками нырял за дверь и растворялся в воздухе. Вдруг Вика насторожилась и, вслушиваясь в осеннюю тишину, сказала твердо и упрямо:

– Все-таки он плачет!

Артем от неожиданного утверждения жены даже поперхнулся дымом:

– Кто плачет? И почему «все-таки»?

– Я уже минут пять слышу детский плач. Там плачет ребенок! – и Вика ткнула рукой в сторону старой заброшенной аллеи.

Артем внимательно вслушался, и действительно, сквозь шум недалекой собачьей грызни отчетливо уловил детский плач. Супруги, взглянув друг на друга, мгновенно вспомнили дикий эпизод месячной давности: в их дворе свора бродячих собак окружили в песочнице молодую мамашу с двумя трехлетними близняшками. Мать, крича от ужаса при виде десятка оскаленных морд, готовых в любую секунду броситься и разорвать ее вместе с детьми, пыталась усадить детей на покатуую крышу грибка. Дети-несмышлениши не могли удержаться и постоянно скатывались. Собаки уже начали кусать мамашу за ноги, и неизвестно, чем бы закончилось это противостояние отчаявшейся в борьбе за жизнь детей матери и «верных друзей» человека, если бы не решительность дворника. Он увесистой лопатой разогнал всю стаю.

Не сговариваясь, Артем и Вика бросились в кабину «Скорой помощи», и машина, послушная опытной руке Артема, понеслась в сторону детского плача. Метров через 150–200 аллея круто повернула в сторону речки, и супруги буквально натолкнулись на собачью свору, готовую кинуться на лежачего неподвижно мужчину. Рядом с ним валялась перевернутая коляска. Артем врубил сирену. От ее мощного завывания стая бросилась в кусты жимолости.

– Сиди смиренно! Не выходи! – жестко приказал Артем жене.

Сам же, вооружившись шоферской монтировкой и четырехзарядной «Осой» под вой сирены осторожно вылез из кабины. Стараясь держать в поле зрения кусты, где только что скрылась банда четвероногих друзей человека, подошел сначала к свертку. Из него доносился визгливый плач. Артем поднял сверток и, оглядываясь по сторонам, опасаясь нападения собак, быстро подошел к кабине «Скорой». Передал ребенка жене. Вика, испуганная увиденным, тем не менее, быстро распеленала ребенка.

Убедилась, на ладненьком, крепком, розовом тельце девочки нет ни собачьих укусов, никаких других ран и видимых увечий. Завернула ребенка в одеяльце, успокаивая ее, прижала к своей груди. Артем осмотрел лежащего мужчину. Влез в кабину и сразу взялся за рацию.

– Что с ним? – спросила Вика мужа и кивнула в сторону мужика. – Пьян в стельку?

– Труп. Убийство – коротко ответил Артем, не переставая вызывать диспетчера.

Марк Давидович Цукерман был евреем. Согласитесь, быть кем-то

другим при таком сочетании имени, отчества и фамилии затруднительно. Да что там юлить – просто невозможно! Марк Давидович был не просто евреем – он был исключительно неправильным евреем. Приличному еврейскому ребенку, рожденному в СССР в приличной еврейской семье было открыто три пути: в артисты, в музыканты, во врачи. В других специализациях- евреях Советы не нуждались. Коммунисты ловко подхватили падающее знамя антисемитизма из царских рук и достойно несли его до кончины КПСС, формируя в народе на бытовом уровне негативное отношение к евреям.

Марк Давидович был неправильным евреем. Он имел все шансы стать хорошим саксофонистом в местной филармонии или уважаемым врачом-гинекологом, но стал

опером в убойном отделе полиции Октябрьского района города Екатеринбурга. И не просто опером, а опером с приставкой «вечный капитан». Обладая не плохими способностями в деле сыска, он имел настоящий талант на водочно-дамской стезе. Это отразилось на семейном, служебном положениях, и состоянии печени. Три попытки создать образцовую семью изваяли из Марка Давидовича стойкого холостяка, убежденного в том, что всякая женщина хороша до тех пор, пока не раздета, не умыта и не заговорит. Попытки начальства присвоить очередное звание «майор» фатальным образом совпадали с водочно-дамским соитием. Таким нехитрым способом Марк Давидович усугублял начавшийся цирроз печени и откладывал присвоение майорского звания до очередных лучших времен.

Сегодня Марка Давидовича тошнило после вчерашнего по двум причинам. И от водки с бабой (*а как было хорошо!*), и от господина Тимофея Николаевича Сивоконя, убитого в парке культуры и отдыха месяц назад. Ни покойник, ни его жена, ни их родственники никогда никаким боком не касались даже тени криминала. Не было среди них ни олигархов, ни банкиров, ни просто обеспеченных людей. Сплошь российская беднота: трактористы, стекольщики, маляры, плотники, доярки, два дворника, нянечка яслей, санитар из психбольницы. С другой стороны воровскую заточку, изготовленную профессионально, можно сказать, с любовью, мастерским ударом загнали в сердце жертвы. Это не могла быть случайностью. Где-то уважаемый Тимофей Николаевич Сивоконь перебежал дорожку крутым парням, живущим «по понятиям». Перебежал недостаточно резво. Успели заметить и выдать полную расплату под расчет...

Марк Давидович поморщился от новой волны подкатившей тошноты. Для борьбы с ней (*проклятой!*) выпил ровно 50 грамм водки под фамилией «Абсолют» (*сразу полегчало!*) и в сердцах плюнул на экран телевизора, где премьер вещал среди себе подобных о том, как у нас все хорошо, а будет еще лучше (*стало, вообще, комфортно!*) Марк Давидович вырубил

телик, накатил еще на свой правоохранительный организм 50 грамм «Абсолюта» (*Зашибись! Жизнь удалась!*) и раскрыл папку с материалами по убийству гражданина Сивоконя...

...Родился... крестился... отец неизвестен... мать умерла, когда Тимофею было пять лет. Умерла она от сепсиса в поселковой больнице. Сепсис возник в результате внебольничного аборта. Тимофея воспитывала бабушка до 11 лет. Затем отдала его для продолжения учебы в спортивный интернат города Екатеринбурга. Учился плохо, зато очень хорошо играл в хоккей. Вообще его спортивные успехи очевидны. Уже в 16 лет он был зачислен в основной состав молодежной сборной. Далее пошел калейдоскоп команд, клубов. Один престижнее другого. Дорогу на свой спортивный Олимп Тимофей Сивоконь пробил исключительно талантливой игрой и огромным трудолюбием. Денежки покойник любил. Пару раз бросал игру за клуб в середине сезона и уходил на более сытные хлеба. Винить в этом Тимофея Марк Давидович не мог и не хотел. Человек ищет, где лучше, а рыба – где глубже. Тем более, век любого профессионального игрока в спорте короткий, и может оказаться короче комариного носа. Они торгуют не китайским ширпотребом, а своим собственным здоровьем. Потом его уже не купить ни за какие деньги...

Хоть тресни, ну не было в биографии Тимофея Николаевича Сивоконя связи с криминалом! Не был он любовником жены арабского шейха или олигархом Ельцинско-Путинского разлива! Не был он агентом иностранной разведки!

После окончания спортивной карьеры гражданин Сивоконь пытался создать частную хоккейную школу. Два провальных по финансовым последствиям брака с длинноногими блондинками из породы пираний поставили жирный крест на воспитании рыцарей льда. Блондинки быстро отсосали у Тимофея остатки бывшего финансового благополучия и растворились без остатка на необъятных российских просторах. День рождения единственной и любимой дочери Анастасии Тимофей Сивоконь встретил в должности методиста по спортивно-оздоровительной работе камвольно-прядильного комбината. По совместительству еще и гражданским мужем воспитательницы детского сада «Солнышко» с правом проживания без прописки в трехкомнатной квартире сталинской постройки.

Марк Давидович и без микроскопа ясно видел всю жизнь Сивоконя – жизнь обычного российского неудачника. Не было у него никаких дебиторов-кредиторов. Конечно, Тимофей мог задолжать кому-нибудь червонец, ну столыжник. Не более. Это же не причина для воровской решительной разборки. На месте убийства нет никаких улик и следов борьбы. Удар заточкой был единственным, точно в сердце, со спины. Убийца знал свою жертву и, скорее всего, нанес смертельный удар при обгоне Тимофея, спокойно прогуливающегося с детской коляской. Информация от криминалистов по орудию убийства не давала Марку Давидовичу пищи для размышления и логических построений по вычислению убийцы среди массы законопослушных граждан. Металл, из которого была изготовлена заточка, оказался довольно редким – титан. В России титановых комбинатов меньше, чем депутатских дум. Если быть совсем точным, то такой комбинат единственный, и находится в Нижней Салде Свердловской области. Такой расклад не радовал старого сыскаря Марка Давидовича. Металл мог быть с Нижне-Салдинского титанового комбината (*откуда еще ему в России взяться?*), а вот выточить заточку, отшлифовать ее до зеркального блеска могли любые умелые, шаловливые ручонки в любом городе, поселке, в любой зоне на огромной территории России. Заточка, в смысле информации о личности мастера ее выточившего и убийцы, абсолютно стерильная. Главное, не ясен мотив убийства. Ограбление, изнасилование в любой, даже самой извращенной форме, со смертельным исходом отвергается. Не мотивированное нападение маньяка? Может быть, но только в чисто теоретическом плане. Возражения? Во-первых, воровская заточка – вещь специфическая. Можно сказать, интеллигентная, требующая от владельца как минимум навыков обращения с ней. О том, что он умеет с ней обращаться, и весьма хорошо, свидетельствует единственный, но убийный удар. Со спины попасть сразу в сердце доступно далеко не каждому. Тут

нужен и опыт, и сноровка. Во-вторых, убийца действовал без исступления, без эмоций. Четко. Выверено. Хладнокровно. Для маньяка же более подходит удавочка, кухонный нож, топорик. На месте преступления, как правило, филиал мясоразделочного цеха небольшого мясокомбината. В-третьих, действия маньяка предполагают целую серию преступных эпизодов (*тьфу-тьфу, не каркай!*). Нет, на маньяка убийца Сивоконя не тянет. Может быть, заказуха?

Может быть... В наше счастливое время развивающегося капитализма, когда преступление без наказания встречается чаще, чем «заяц» в электричке, все имеют возможность «заказать» всех: любовница-любовника, проститутка – шофера дальнобойщика за поруганную девичью честь, ученик «училку» за пару в четверти, олигарх – олигарха за... Господи! Всегда найдется причина плюнуть в глаз ближнему, если есть на то желание! Тарифная сетка на заказные убийства от бутылки паленой водки до многих нулей в долларовом эквиваленте. Однако, оплата заказного убийства вторична. Первично – мотив, причина (*будь он трижды неладен!*).

Любая причина – от прилюдного, обидного пинка под зад, до умыкания собственности на миллиарды рублей – должна существовать. Без нее нет, не может быть самого события, вызывающего акт гневной мести в виде заказного убийства. Убийца скорее всего Тимофея Сивоконя знал.

Марк Давидович был хорошим опером и оказался прав. Убийца хорошо знал свою жертву и мастерски владел заточкой. Более того, это было первое и последнее убийство на территории, подконтрольной Цукерману, но не последнее совершенное высоким мужчиной с чуть заметной хромотой на правую ногу. Самым странным происшествием с трупом гражданина Сивоконя стало его исчезновение из недр городского морга в неизвестном направлении. Сторож-санитар морга – заслуженный алкаш России по прозвищу Кеша Водолаз – ничего путного сказать не мог по причине нахождения последние пятнадцать лет в состоянии гроги от постоянных алкогольных ударов в печень. На допросе он заявил, что ДУМАЕТ (*как можно, вообще, ДУМАТЬ остатками мозговой похлбки в его покрытом шрамами черепе?*), произошла ПЕРЕСОРТИЦА и он, то есть Кеша Водолаз, спутал труп Сивоконя с тремя не востребовавшими безродными покойниками, и отправил его за компанию вместе с ними на кремацию. Поскольку другой вменяемой версии не было, на том и порешили. Перед женой Сивоконя извинились за бардак, творящийся в российской медицине, и выдали урну с прахом. Правда, это был прах другого покойника, но такая невинная подмена не имела принципиального значения. После огня кремационной печи все покойники выглядят абсолютно одинаково. Так сказать, на практике бытия реализовалась мечта коммунистов: равенство полов, вероисповеданий, национальности и социального статуса.

Этой пресловутой причины – мотива в случае убийства Сивоконя «вечный капитан» убийного отдела Марк Давидович Цукерман не мог обнаружить при всем своем старании и природной изворотливости еврейского ума. Но «верхним чутьем» опытного сыскаря, пахавшего всю свою сознательную жизнь опера на «земле» в «поле», Марк Давидович чуял, – убийство гражданина Сивоконя чисто криминальная разборка, но доказательств не было. Никаких улик. Ни прямых, ни косвенных. Только чутье «вечного капитана», которое к делу не подопьешь и судейским не предьявишь.

Душа Тимофея Сивоконя очень хорошо разглядела своего убийцу, но следствию помочь не могла. Не потому, что души убиенных, как правило, безмолвствуют, а потому, что она, несмотря на все старания, не могла узнать своего убийцу. Или хотя бы идентифицировать его с каким-нибудь даже отдаленно знакомым лицом.

Глава вторая

Не родись красивым, а родись счастливым.

Быть не счастливым Олег Шивцов не имел права. У него папа был депутатом Государственной Думы три срока подряд и серьезно намеревался освоить четвертый. Госдума вам, чай, не зона где-нибудь в Задрюченске на крайнем севере. На депутатских харчах можно про-сидеть жопу и кричать «Одобрям-с!» до самой встречи с товарищем Кондратием. Наду-вать щеки и заниматься с сотоварищами по партии тяжелой, можно прямо сказать потогонной законотворческой работой.

Натворили и с успехом развалили всё, что было создано усилиями, лишениями, горем, недоеданием всего народа огромной страны под руководством злого гения товарища Джу-гашвили. Да, он был тираном, сатрапом. Вдохновитель, организатор самой передовой для тогдашней России научной организации труда под названием ГУЛАГ. Он заставил народы рос-сийские под страхом сурового наказания *ДОБРОСОВЕСТНО РАБОТАТЬ*.

Заметьте, несмотря на все негативные издержки, работали много и очень качественно. Это позволило товарищу Сталину за кратчайший срок превратить безграмотную, лапотную страну в ядерную державу и открыть человечеству дорогу в космос.

Последующие поколения коммунистов и дерьмократов в своих корыстно-политических целях обосрали Сталина и его деловое окружение с головы до ног.

Спору нет, коммунистические авгиевы конюшни нужно чистить. Чистить начали осно-вательно. Вместе с говном выкинули и ребенка.

Братья-китайцы посмотрели на разгром «социализма с человеческим лицом». Подумали, русского дурака никаким умом не понять и никаким аршином не измерить, и пошли своим путем. Пока наши дерьмократы и лаборанты всех мастей по обыкновению увлеченно разру-шали «все до основания», товарищи китайцы не на словах, а на деле стали второй экономикой на всей планете после американской. Только этого факта достаточно, чтобы все руководство страны под руководством господина «Горби» стройными колоннами в порядке самокритики самостоятельно двинулось в Магадан. Народы России начали сознавать, господами организо-вано целенаправленное уничтожение всего, что может носить лейбл «Сделано в России».

Всё куда-то пропало. Появилось китайское, вьетнамское, монгольское и любое другое, но только не Российское. Многомиллионная Россия пьет, жрет, одевается, спит, ездит, летает, сношается, плавает, рождается и умирает только в импортном, обеспечивая миллионы рабочих рук за границей работой и деньгами.

Сами депутаты устроились в зазеркалье российской жизни. Золотой Ордой оккупиро-вали собственный народ, задолбанный ЖКХ, поборами, тарифами, налогами, платным обра-зованием, коррупцией, милицией-полицией, убийственной медициной, тупостью и воровством чиновников. Прожорливая депутатская орда ртом и жопой торопится заглотить ежегодный бюджетный пирог, заботясь в первую очередь о себе любимых.

Повторяем: Олег Шивцов был счастливым. Папаша депутат обеспечил себя, сына, внуков и всех родных до десятого колена. Олег по настоянию и поддержке отца окончил юридический факультет МГУ. Продолжил обучение в Англии. Прослушал в славном городе Кембридже пол-ный курс международного права. Проходил стажировку в ЮНЕСКО, ООН и ИНТЕРПОЛЕ. Имел серьезные рекомендации и виды на продолжение карьеры в одном из подразделений Интерпола в Женеве. Он стал почти западным человеком, забыл ухабы российских дорог и вонь засранных крестьянских нив. Старший Шивцов планы свое-го отпрыска осесть на ПМЖ в Европе грубо похерил. Выдернул его, как редиску из грядки, и вернул обратно на истори-ческую родину. В отношении сына у старшего Шивцова были собственные прагматические планы. Работать за границей, безусловно, здорово, престижно, модно. Все просто прекрасно!

За исключением одной совсем маленькой детали. Эта деталь русскому человеку, «в лом». За границей, в Европе нужно РАБОТАТЬ! Иначе денег не получишь.

В России можно не работать, а служить любимому электорату, одновременно находясь на его шее. Разница, согласитесь, принципиальная. Поэтому Шивцов-старший вознамерился вырастить из своего сына очередного депутата Госдумы. Так сказать, для пущей преемственности власти. Чтобы кадровики на любой ступени карьерной лестницы не морщили на высоких лбах значительные морщины и не оттопыривали многозначительно свои бездонные карманы, необходимо Шивцову-младшему пройти все ступени служебной лестницы. Без шума и пыли. Быстро и качественно сформировать служебно-политический имидж будущего кандидата в депутаты. В силу вышеперечисленных причин Олег Шивцов, будущий депутат Государственной Думы, состоял в должности следователя районного отдела полиции поселка Завидово Московской области.

В настоящий момент в режиме «NON STOP» он весьма тупо и молча смотрел на Амаяка Ашотовича Арутюнова. Арутюнов тоже молчал. К нефтебензиновым королям Амаяк Ашотович себя никогда не причислял. Находилось у него в собственности четыре АЗС в довольно бойких местах на трассе московского направления. Эти четыре дойных коровки денно и ночью несли в хозяйскую кошину посильный вклад. Хватало на безбедную жизнь себе, жене, двум подрастающим оболтусам и любовнице. Никто не жаловался. Все были довольны. К концу месяца Амаяк Ашотович планировал прикупить средней руки магазин автозапчастей и шиномонтажку. Не случилось. Не судьба.

Амаяк Ашотович Арутюнов собственной персоной висел распятый на бетонной стене в подвале своего строящегося коттеджа. Висел и, естественно, молчал, выпучив в смертельном ужасе черные кавказские глаза. Раскинутые в стороны руки Арутюнова были пристрелены к бетонной стене из валяющегося рядом строительного пистолета 150 миллиметровыми дюбелями. Ноги и яйца тоже.

На Иисуса Христа Арутюнов похож не был. В ярком свете фотовспышек криминалистов голое, волосатое, бледное до голубизны от потери крови, изломанное предсмертной судорогой тело Амаяка Ашотовича представляло собой сюрреалистический эпизод из картины «Герника». Ужасная гримаса боли и страха навечно исказили до неузнаваемости его лицо. Белые волосы на голове и белая, растущая сквозь трупные пятна щетина на лице покойника усиливали эффект неузнаваемости. Покойник при жизни имел черные как смоль волосы и иссиня черную бороду. Сейчас, приняв адову смерть, жгучий брюнет при жизни стал при смерти ярким блондином.

Олег Шивцов дураком себя не считал. Преподы из МГУ и Кембриджа были о нем неплохого мнения. Просто он в своей жизни не встречался с таким «сюрром» – до жуткой оторопи правдой жизни. Он понимал, прибитый дюбелями к бетонной стене Арутюнов теперь уже ничего никому не расскажет, но золотозубый оскал покойника мистически притягивал взгляд. Налитые кровью и почерневшие белки вылезших из орбит глаз гипнотизировали молодого, не искушенного следока.

Из ступора Олега Шивцова вывел громкий короткий рык прибывшей полицейской машины. Хлопнули громко двери и в подвал, на место происшествия, спустились трое мужчин средних лет. Один из них, видимо старший, представился:

– Следственный комитет. Подполковник Седов, – быстро взглянул на распятого Арутюнова и добавил. – Юрий Петрович. Это мои коллеги. Будем, по просьбе профильного комитета Госдумы, работать в составе вашей бригады по этому делу. Так сказать, тимуровская помощь братьям нашим младшим.

«Папаша подсутился», – подумал Шивцов. – «Правильно. Первое самостоятельное дело и его провалить нельзя». И вслух добавил, обращаясь к Юрию Петровичу:

– Помощи будем рады. Не грех поучиться уму-разуму у старших коллег...

Хотел еще что-то добавить, но Юрий Петрович прервал его:

– Олег, у вас есть экспресс-соображения?

Шивцов на секунду замешкался, но, видя, как у подполковника Седова недовольно брови собираются к переносице, поспешил с докладом:

– Версии три, – начал Шивцов. – Первая, учитывая засаженные в область гениталий три дюбеля, можно предположить месть женщины за измену или за изнасилование, либо за надругательство...

Седов одобрительно кивнул головой и принялся внимательно изучать прибитые 150-миллиметровыми дюбелями к бетонной стене гениталии Арутюнова. Шивцов сделал короткую паузу. Не хотел отрывать подполковника от созерцания волосатого в подтеках запекшейся крови причинного места Амаяка Ашотовича.

Не прерывая изучения трупа, Седов буркнул:

– Продолжайте. Мы вас слушаем.

Олег начал:

– Вторая версия: акция устрашения рэкетиоров за отказ платить за крышевание бизнеса.

Юрий Петрович одобрительно кивнул головой. Шивцов продолжил:

– Третья версия: Мечь отца или брата за поруганную честь жены, честь дочери или сестры.

Шивцов замолчал, а Юрий Петрович добродушно поддержал молодого следака:

– Имеет право на жизнь и четвертая версия: отказ от продажи бизнеса и устранение конкурента. Вообще в этом деле недостатка в версиях убийства не будет. Покойник уроженец Кавказа. Нужно перетряхнуть всю его прошлую жизнь. Вполне вероятно, среди горячих кавказских парней нашелся удалец-кровник. Он и сократил жизнь этого господина до нуля. Знаете ли, законы гор срока давности не имеют. Могли соплеменники поднять бедолагу на дюбеля, ох могли! Кстати, а как покойника со стены снимать-то?

Олег Шивцов впервые позволил себе расслабиться и чуть улыбнуться:

– Эмчезники срежут пневмоножницами шляпки дюбелей, и тело Арутюнова аккуратно снимут со стены.

Прибыли спецы МЧС. Подсустились. Хотели сделать как лучше, а получилось как всегда. Оператор пневмоножниц оказался с большого бодуна, и не откусил шляпки трех дюбелей, прибавивших намертво яйца Арутюнова к бетонной стене. Начали снимать труп Амаяка Ашотовича. Уронили. Яйца покойника оторвались от хозяйского тела и висели неммым укором российской расхлябанности и разгильдяйству. С трудом отскребли их от стены. Упаковали в отдельный полиэтиленовый пакет с лаконичной надписью «Гениталии гражданина А. А. Арутюнова», привязали его грязным бинтом к левой руке трупа.

Следственно-оперативная бригада по расследованию убийства гражданина Арутюнова росла, как на дрожжах. Проверялись все возможные, маловероятные и совсем невероятные версии. Провели сотни допросов причастных и не причастных лиц. Пытались установить круг подозреваемых по каждой версии, но все они в ходе дальнейших оперативных разработок отпадали, как прошлогодняя листва с дерева. Следствие, несмотря на все усилия Следственного Комитета, топталось ровно на том же месте, как в день обнаружения трупа. Более дальновидные опера начали осторожно нащупывать подходы к серийному убийце, арестованному в Воронеже, и делать ему довесок в виде трупа Арутюнова. Если сорвется, то «висяк», качественно отработанный с помощью старших коллег, был районному отделу полиции обеспечен.

Олег Шивцов, отстраненный от руководства расследованием убийства Арутюнова («От греха подальше» как сказал Шивцов-старший), тем не менее, знал о безрезультативной работе коллег. Ему поручили просеять всю прошлую жизнь Амаяка Ашотовича. Олег в душе тайно

надеялся на звезду удачи и рыл носом землю. Он мечтал в прошлой жизни бизнесмена отыскать хоть малюсенькую зацепочку к разгадке убийства.

В маленьком городке близ Эльбруса разыскал с помощью местных полицейских всех, кто знал Амаяка Ашотовича. Нашел даже акушерку, принимавшую на белый свет маленького Амаяка. Переговорил с дальней и близкой родней. Вовлек в дело поиска гипотетического кровника старейшин городка и аксакалов клана Арутюновых. Тщетно! Кровника не было.

В школе Арутюнов учился скорее хорошо, чем удовлетворительно. Рано, в кавказских традициях, занялся классической борьбой. В старших классах перешел на вольную борьбу и сразу же стал призером на краевых соревнованиях. Функционеры от спорта заметили парнишку и определили его в школу олимпийского резерва. Там юный Амаяк вольной борьбой занимался недолго. Скоро ему, крепкому, атлетическому парнишке, предложили играть в регби. Играл почти два года. Вытянулся. Налился нешуточной силой и попал на глаза главному тренеру юношеской сборной по хоккею. Через полтора года Арутюнов рубился на равных за шайбу с членами взрослой команды. На лед хоккейной коробки он выходил в роли *ТОВАГА*, которому владеть виртуозно клюшкой, выписывать чудеса финтов на второй космической скорости и забивать шайбы в ворота соперников не нужно. Он забивает не голы, а игроков команды соперников. По воспоминаниям фанатов-ветеранов Арутюнов играл всегда мощно и зло. От его сильного стодвадцатикилограммового тела игроки соперника разлетались по льду как кегли. Играл он средне, но в силовой борьбе ломал любого. Впечатывал в борт с такой силой, что не раз его «визави» теряли сознание. В любой пятерке он был «бульдозером», и тренер выпускал его на лед в качестве «фактора устрашения».

После окончания профессиональной спортивной карьеры Арутюнов сразу купил две автозаправки, через три года еще две. Кавказский период жизни Амаяка Ашотовича, по собранным оперативным сведениям, поводов к возникновению кровной мести не давал. Ссоры были, потасовки случались, но убийства или смертельно обидных оскорблений не случилось. Аксакалы, знающие историю тейпа Арутюновых с Адамовых времен, не могли вспомнить ни одного случая из жизни рода, давшего повод к кровной мести. Эта версия, как и десяток других, потерпела крах.

Дольше всех муссировали прострелянные и оторванные яйца господина Арутюнова. Многим казалось, что разгадка убийства заключена именно в них. Кто-то же сознательно покусился на его мужское достоинство! Проявил, так сказать, к ним свое резко негативное отношение посредством 150мм строительных дюбелей. Не оторвали ухо, не отрезали впечатляющих размеров нос, не отпилили ногу, а пристрелили к стене яйца. Факт примечательный, и мог послужить ключиком к разгадке тайны убийства. Стрелял, несомненно, мужчина. Во-первых, строительный пистолет не для женских ручек. Во-вторых, справиться с хоккейным товгаем женщине явно не под силу. Несмотря на то, что Арутюнов уже давненько оставил спорт, надеяться на легкую победу над ним было весьма легкомысленно и очень опасно для здоровья. Для здоровья нападающего. Бывших товгаев не бывает. Любой из них всегда готов с легкостью размазать по стенке двух-трех гоп стопников. Из этого следует, убийца Амаяка Ашотовича физически очень сильный человек и при этом обладал высоким ростом. Он сумел поднять тело Арутюнова на высоту, недоступную человеку среднего роста.

Может быть, на месте преступления были два человека: высокий сильный мужчина и смертельно обиженная Арутюновым женщина? Никто не мог ни подтвердить, ни опровергнуть эту версию. Правда, за десять дней до убийства соседка Арутюнова по коттеджу видела, как Амаяк Ашотович приводил на свой строящийся особняк высокого мужчину с едва заметной хромотой на правую ногу. Позднее он говорил жене, мол, нашел на отделку коттеджа хорошего и недорогого прораба с бригадой. Дело, осталось за малым – договориться о цене и сроках работ. Операм не удалось обнаружить этого прораба. Может быть, им не удалось договориться о цене или сроках работ. Причины могут быть разными, но высокий прораб (предположительно

средних лет и славянской внешности) больше нигде не появлялся и в материалах дела по убийству Арутюнова не фигурировал. Снова и снова следаки из Главного Следственного Управления просеивали окружение Арутюнова в надежде разыскать человека, распявшего бывшего ТОВГАЯ в подвале собственного коттеджа, или человека, заказавшего это зверское убийство. Были подняты на ноги осведомители всех силовых структур. Сотни внимательных ушей сексотов ловили в кабаках, притонах, банках, на рынках любое слово, которое очень даже отдаленно напоминало «дюбель», «АЗС», «бензин», «яйца в отрыве».

За время расследования убийства Арутюнова было попутно раскрыто шесть ранее не раскрытых убийств, арестованы восемь человек, находящихся в федеральном розыске, закрыто 146 подпольных казино, ушел с должности прокурор области, крышующий игорный бизнес. Было обнаружено два подпольных нефтеперегонных завода, ликвидированы 203 незаконных врезки в нефтепровод, изъято 1,5 тонны наркотиков. Короче говоря, смерть Амаяка Ашотовича Арутюнова принесла правоохранительным органам хорошие плоды на криминальной ниве, но его убийца не был найден. Дело плавно перешло в юрисдикцию Главного Следственного Управления. Вместе с ним в Главк был переведен и Олег Шивцов как грамотный, инициативный сотрудник, оказавший следствию неоценимую помощь.

На фоне глобальных событий, потрясающих социум поселка Завидово, связанных с убийством «олигарха местного разлива» Арутюнова, акт вандализма на местном кладбище прошел незаметно. Как-то буднично. Широкой публике поселка Завидово известно в чем опускали в могилу покойного Арутюнова. Большинство жителей поселка, в том числе и маргинальных элементов, могли воочию лицезреть на шее покойного вызывающий блеск увесистой золотой цепи. На правой руке обручальное кольцо, на левой – сверкал фамильный перстень. О золотозубой улыбке Арутюнова было известно всем: от соседей до плечевых проституток трассы Москва-Рязань. Более упакованный покойник был погребен на местном погосте в 1913 году. Был он настоятелем местного храма. Могила его за давностью лет затерялась, но, если верить местным слухам, место захоронения батюшки не было осквернено. То ли моральные устои наших пращуров были крепче, то ли действительно Бога боялись.

Но надо признать, раньше отношение к покойникам было уважительным. За могилами наши предки ухаживали, берегли их. Понимали, могила – память о близком человеке, последняя дань уважения. Не зря на могилу ставят памятник. Не важно, с православным или католическим он крестом, с шестиконечной звездой или полумесяцем. Главное здесь слово – памятник. В основе этого слова лежит «память». Народ, потерявший свою историческую память и оскверняющий могилы, не достоин жизни. Рано или поздно этот народ сгинет с материнского лона Земли и памяти человечества.

В отдельно взятом поселке Завидово тело господина Арутюнова со всеми полагающимися почестями было предано земле, но его бранные останки не нашли упокоения под могильным холмиком. В ночь после погребения могилу, где с миром покоился господин Арутюнов, вскрыли неустановленные лица. Прибывший на место происшествия участковый полицейский констатировал в протоколе: могила, в которой накануне похоронили А. А. Арутюнов, раскопана. Гроб извлечен на край могильной ямы и вскрыт. Тело покойного гражданина А. А. Арутюнова некие злоумышленники умыкнули в неизвестном направлении. Был вызван кинолог с розыскной овчаркой по кличке «Комиссар Рекс». Собака уверенно взяла след от раскопанной могилы и довела до шоссе, где заметалась, заскулила, заискивающе завилыла хвостом и по оконцовке села на свою комиссарскую жопу. След потерян. Работник кладбища, 70-летний сторож Василия Пантелеймоновича, лежал вторую неделю с жесточайшим приступом почечуя

(в простонародье – геморроя) и пояснить факт вандализма и гробокопательства на поселковом погосте не сумел.

В связи с происшествием допросили всех маргиналов поселка в количестве 264 человек. Твердого алиби не было ни у кого. Все были пьяны до степени, когда никто ничего не помнит. Где, когда он был, с кем и что делал. Учитывая ежедневную тяжесть их опьянения, маловероятно, что кто-то из них мог, вообще, держать лопату и копать ею землю! Местный православный батюшка Серафим предположил, что тело господина Арутюнова умыкнули сатанисты для своих черных треб. Бывший инструктор райкома КПСС Зоя Леонидовна Купцова авторитетно заявила, мол тело Амаяка Ашотовича выкрали, чтобы распилить на органы и в розницу (*так намного выгодней, чем оптом!*) продать в Израиль. У них, проклятых евреев, мафия в медицине по органам, и поэтому она самая сильная в мире.

Вскоре происшествие на строящемся коттедже Арутюнова стало забываться. Тем более, случилась еще одна кровавая трагедия. Безработный, бывший кузнец обанкротившегося ныне механического заводика, некто Павел Петрович Никишин, 48 лет, женатый, отец двоих детей, в пьяном угаре застрелил из своего дробовика соседскую собаку Люську, собственную тещу, кошку сибирской породы и поросенка Борьку. Мужики горячо осуждали эту новость на задворках местной аптеки за распитием двух десятков фунфуриков аптечной перцовой настойки и двух литров стеклоочистителя (сволочи, куда подевали одеколон «Тройной»?!).

По истечении дискуссии допили все и решили, Никишин чудак на букву «М»! Животных-то, зачем стрелять!

Глава третья

Погода стояла чудная. В голубую, без единого облачка, высь небосвода торжественно вкатывалось солнце, расцветивая верхушки деревьев мириадами искрящихся изумрудов ночной росы. Воробьи щебетали-чирикали свои утренние разговоры, и уже начали сбиваться в шустрые стайки для совместной трапезы. Голуби-сизари, воркуя степенно-важно, расселись на ветках засохшей пихты возле мусоросборника. День, судя по раннему утру, обещал быть удачным.

Манюня не обращал внимания на прелести природы. Манюня кайфовал. Он держал в руках целую палку твердокопченной колбасы. Разломил ее и нюхал. В нос ударил волнующий аромат смеси имбиря, кардамона с нотками корицы и чеснока. Сорта колбасы Манюня не знал. По большому счету этот факт не имел для него значения. Твердокопченная колбаса любого сорта, ее запах, были для Манюни символами богато сервированного стола, сытой, до икоты, жизни. Она была для него знаменем благополучия, фетишем счастливой, ничем не омраченной жизни... Вспомнились тонко нарезанные кружки сервелата, темно-янтарная маслянистость армянского коньяка...

Манюня ловко ухватил подвернувшийся кусок батона, и разломанным концом колбасы принялся энергично натирать его. Откусить и разжевать твердокопченную колбасу Манюня не мог. У него практически не было зубов. С помощью длинных черных изломанных ногтей и красных распухших десен ему, наконец, удалось отломить от палки колбасы кусок, который целиком, вместе с плесенью, поместился ему в рот. Кусок этот Манюня принялся сосать, перекатывая языком, и с наслаждением шумно сглатывал скопившуюся ароматную слюну. Достал из глубокого кармана бутылку стеклоочистителя. Выловил из груды мусора пластмассовый стаканчик. Налил в него стеклоочистителя и принялся размачивать в нем черствый кусок батона. Завтрак бомжа Манюни выдался на славу! Нашлись в баке с мусором остатки шпрот в банке, немного гречневой каши с луком и тушенкой и грамм двести выдохшегося шампанского в бутылке с отколотым горлышком.

«Аристократический» завтрак Манюни уже подходил к концу, как на горизонте появилась черно-коричневая псина неопределенной породы. Она издали виновато – приветливо завилыла хвостом.

– А, сучка! Иди на хрен отсюда! – заорал Манюня на собаку, и замахнулся на нее пластиковым ящиком. Псина поджала хвост, обиженно отбежала в сторону метров на пять и уселась на землю.

Псина обижалась совершенно справедливо. Во-первых, она была не сукой, а кобелем с нормальной сексуально ориентацией и влечением к любой сучке, находящейся в периоде течки. В отличие от Манюни, который свое либидо прочно утопил на дне бутылки еще до бомжевания, и сейчас понять стремления своего четвероногого дружбана, был не в состоянии. Поэтому оскорбил его, назвав «сучкой» и грязно послал при этом как штатного гомосексуалиста. Высосав остатки стеклоочистителя, Манюня подобрел. Посмотрев на сидящую почти рядом псину, призывно махнул ей рукой:

– Иди сюда, прохиндей! Кормить буду!

Собака, радостно виляя хвостом, подбежала. Манюня вывалил на картонку остатки каши, хлеб, рыбы потроха и даже четверть палки твердокопченной колбасы. Псина осторожно принялась за еду, а Манюня, наглаживая загривок собаки, приговаривал:

– Если ты, сволочь патлатая, будешь бросать меня, твоего единственного другана, ради любой блохастой сучки, то крест во всю пузу и якорь мне на жопу, самолично кастрирую и хрен твой на пятаки изрублю!

Пьяно икнув, бомж тут же, за мусорным ящиком, растянулся на картонном ложе и захрапел. Верный пес наскоро похватал еду и, уставший от сексуальных утех с сучкой из соседнего двора, свернулся клубком у спины Манюни и тоже заснул.

Манюня запаматовал, сколько зим он пережил. Главное – не сдохнуть в первую зиму. Ему повезло. Он не замерз по пьянке на мусорке, не сгорел в конуре на свалке от своей самодельной печки, не задохнулся от угара тлевшего тюфяка в колодце теплотрассы. Он, волею случая и Божьим провидением, выжил в первую и последующие зимы. Терял товарищей по несчастью, богател их посмертным опытом и выжил. Зачем? – не понимал сам. Жил по инерции, цеплялся за жизнь по привычке. С годами деградировал, растворяясь в подобных себе, впитывая в себя, их судьбы. Напивался он быстро, и всегда плакал над своей судьбой. Выдавал себя то за воина-афганца, то за жертву банкротства, то за несчастного рогоносца красавицы-жены, то за инвалида – ликвидатора аварии в Чернобыле, то обманутого собственными детьми и лишенного их коварством всего движимого и недвижимого имущества. Манюня напивался, со слезами рассказывал очередную историю. Рассказывал убедительно, талантливо и с такими деталями, что со временем сам стал верить в эти истории и плакал над ними пьяными слезами. За повышенную слезливость и получил среди бомжей кликуху Манюня. Трудно сказать, кем был в прошлой жизни бомж Манюня. Если судить по изрядно потрепанному бомжовскими перипетиями лексикону, то он мог быть в равной степени и директором завода, и бывшим офицером, банкиром, классным спецом в любой отрасли промышленности, которую наши доморощенные политиканы планомерно уничтожают, выбрасывая на улицу миллионы безработных. Из их числа, по вине государства, пополняются по всем городам и весям легионы бомжей.

Страна протухшего социализма с человеческим лицом, и дикого капитализма со звериным оскалом новоявленных нуворишей стала пристанищем миллионов лишних рабочих рук...

Кто такой БОМЖ? Ученики младших классов в легкую расшифруют эту аббревиатуру: человек «Без Определенного Места Жительства».

Как просто! ЧЕЛОВЕК есть, а места жительства у него нет! Между количеством бомжей и количеством квартир, необходимых для удовлетворения народных нужд, существует прямая зависимость. Видимо, это и есть очередной национальный проект. Малозатратный, не афишируемый на TV и СМИ проект: чем больше бомжей, тем меньше нужно квадратных метров жилья, детских садиков, больниц, поликлиник, школ.

Бомжи умирают часто. В одиночку и группами. Но не так часто, чтобы исчезнуть с глаз чиновников. В любом дворе, от пролива имени товарища Лаперуза до самых западных границ, по всей земле Российской, за исключением Кремлевского двора, любой житель квартиры, выглянув за окно ранним утром, увидит кучкующихся бомжей. У каждого в руке пакет или сумка. В них умещается немудреный их скарб. Не мытые, не бритые, красные испитые рожи, грязные патлы волос, случайная, найденная на мусорке одежда и обувь. Глаза бомжей... Если они не затуманены каким-нибудь стеклоочистителем, всегда испуганно-вороватые, опущенные веки, трясущиеся руки. Как правило, у одной бомжихи по два, а то и три кавалера на зависть благополучным одиноким женщинам с постоянным местом жительства, но без мужика. Ни одного, а не то чтобы двух или трех сразу! Возле взрослых бомжей никогда не видно беспризорных детей. Их на просторах России больше, чем за все годы Великой Отечественной Войны. Кто их считал? Кому они нужны?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.